

он под Серпе (66) // еск мест розматривати дву человек казаков да мужика, как бы притти под город и город взяти. И те казаки и мужики, пришед к нему, сказали, что от города от Серпейска лес с одной стороны, и от тово лесу пришла к городу рытвина, и пешими людьми Серпееск взяти мочно, и чтоб к нему ис Колуги для промыслу над Серпейском прислати двести человек стрельцов.

И писано от государя в Мещоск ко князю Ефиму Мышетцкому, что по государеву указу велено ис Колуги Богдану (67) // Нагово для промыслу над Серпейском послати в Мещоск голов с сотнями да 300 человек колужских стрельцов, и как те ратные люди в Мещоск придут, и князю Ефиму Мышетцкому с теми головами велено послати мещеских казаков, которых он посылал досматривати, и иных вожей добрых.

И в октябре писал государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Мещеска князь Ефим Мышетцкой: посылал он из Мещоска под Серпееск мещеских казаков 100 человек, а велел им, сшодчися з головами и с ратными людьми, которые посланы от Богдана Нагово, над Серпейском промышляти. И как головы с ратными людьми и с мещескими казаки и с вожи пришли под Серпееск, и серпейской капитан и польские и литовские люди, видя над собою государевых людей промысл⁸ и тесноту (68), // государю добили челом и город здали. И за ту службу ко князю Ефиму Мышетцкому писано от государя з жаловальным словом и с похвалою (69). //

УДК 343.1:271.2(470.44) |18/19|

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД СТАРООБРЯДЦАМИ И СЕКТАНТАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Саратовской губернии)

С. М. Руфин

Поволжский кооперативный институт Российского университета кооперации, Энгельс
E-mail: vmf-86@mail.ru

Статья посвящена слабо разработанной в российской историографии проблеме судебного преследования представителей старообрядчества и религиозного сектантства за преступления против православной церкви. Рассматривается судебная практика по делам о противоправных действиях старообрядцев и сектантов. Автор приходит к выводу о том, что судебное преследование старообрядцев и сектантов второй половины XIX – начала XX в. было неэффективным и, как правило, заканчивалось вынесением оправдательного приговора.

Ключевые слова: старообрядчество, сектантство, православная церковь, судебные процессы, религиозные преступления.

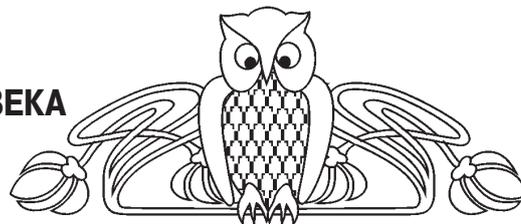
И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом князь Ефим Мышетцкой, чтоб ево государь пожаловал, за службы, что он служил при царе Василье и при боярех, и за мещескую службу своим государевым жалованьем, помесною и денежною придачею, как государю Бог известит.

А помесной оклад князю Ефиму Мышетцкому 700 чети, денег из чети 20 рублей (70)⁹.

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 96. Л. 62–70).

Примечания к прил. 1, 2

- 1 На обороте помета: *Государь пожаловал, придачу ево, что ему придано за саратовскую службу, для нынешней донской службы велел выдати.*
- 2 Слова *сорок рублей* приписаны над строкой.
- 3 Слово *посылки* приписано над строкой вместо зачеркнутого *службы вы.*
- 4 Далее зачеркнуто слово *велети*; над строкой написано и зачеркнуто: *Григорью Орлову.*
- 5 Слова *Григорью Орлову сорок рублей* написаны над строкой вместо зачеркнутого *что ему придано за саратовскую службу.*
- 6 Слова *посылки велел* приписаны над строкой вместо зачеркнутого *службы.*
- 7 Слова *князь Ефим* приписаны над строкой.
- 8 Слово *промысл* приписано над строкой.
- 9 На сставах дела имеется помета: *142-го августа в 25 день государь // пожаловал, // за мещовскую службу // велел придати // денег к 20 рублем // 25 рублей // да помесной // придачи 100 чети.*

Trials Concerning Old Believers and Sectarians in the Second Half of the 19th – the First Half of the 20th Centuries (Based on Saratov Province Materials)

S. M. Rufin

The article is devoted to the problem of the prosecution of members of the Old Believers and religious sectarianism for crimes against the Orthodox Church, weakly developed in Russian historiography. Court practice on cases concerning illegal actions of the Old Believers and sectarians is shown. The author comes to the conclusion that prosecution of the Old Believers and sectarians in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries was ineffective and, as a rule, ended in acquittal.

Key words: Old Believers, sectarianism, Orthodox Church, trials, religious crimes.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-335-340

Одной из мер борьбы российского правительства со старообрядчеством и сектантством было судебное преследование последователей этих религиозных течений за преступные деяния, направленные против православной веры. Государство устанавливало уголовную ответственность за отдельные противоправные деяния раскольников в целях охраны авторитета православной церкви и предупреждения распространения старообрядческого вероучения среди населения Российской империи.

В уголовно-процессуальном законодательстве второй половины XIX в. были установлены отдельные особенности судебного процесса по делам о религиозных преступлениях. Так, согласно ст. 1004 Устава уголовного судопроизводства обвиняемые в преступлениях против веры подлежат уголовному суду в случае совершения деяния, за которое законом устанавливается наказание или ограничение в пользовании правами состояния. В ст. 562 Законов о судопроизводстве о преступлениях и проступках установлено положение о том, что судопроизводство по делам против веры производилось на общих основаниях за исключением отдельных правил, установленных в законе. Согласно ст. 564 Устава уголовного судопроизводства дела о совратителях и совращенных из православия и о самовольной постройке иноверческих церквей рассматриваются вне очереди¹. Борьба с политической, в данном случае религиозной, преступностью в этот переломный период российской истории стала одной из главных целей органов государственной власти.

В соответствии с классификацией государственных (политических) судебных процессов, предложенной проф. Ю. В. Варфоломеевым, дела о религиозных преступлениях выделены в отдельную группу – «Вероисповедные дела» (религиозные процессы)². Отдельные аспекты проблемы уголовного преследования старообрядцев и сектантов за совершение религиозных преступлений в Российской империи разбирались в общих работах ряда исследователей. В статье А. Б. Никонова рассматриваются особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях старообрядцев и сектантов против православной церкви³. В.Ф. Левин в своей диссертации также уделял внимание вопросам судебного преследования за совершение религиозных преступлений⁴. Однако отсутствуют работы, посвященные судебным процессам над представителями данных религиозных течений в Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В данной статье автор планирует восполнить этот пробел.

В. Ф. Левин отмечал, что дела о преступлениях, совершенных раскольниками и направленными против православной веры, рассматривались практически без привлечения лиц православного ведомства. Иначе в процессе судебного заседания начинались длительные дискуссии исключи-

тельно религиозного характера. Православные священнослужители допускались к судебному процессу, связанному с обвинением раскольников, только в тех случаях, когда последние изъявляли желание приобщиться к православной вере. На губернатора было возложено право немедленно прекращать судебное дело по обвинению раскольников в противоправной деятельности в случае, если они соглашались вернуться в лоно православия и обращались с письменной просьбой в консисторию. Был разработан специальный механизм ведения подобных дел. Местные власти обязаны были сообщать об обнаружении сектантов в вышестоящие инстанции.

По замечанию В. Ф. Левина, в окружных судах существовал особый порядок рассмотрения дел о скопцах. В качестве оправдательных не принимались следующие доводы:

- 1) оскотление совершено неизвестными людьми либо теми, которые умерли;
- 2) оскотление проведено во время сна или в младенческом возрасте;
- 3) лишение детородных органов случилось в результате травмы, болезни либо подобных вымышленных случаев;
- 4) оскотление совершено известными им людьми, но в недавнем времени.

Если оскотленный изобличал своих оскотителей на судебном заседании, он освобождался от ответственности за это преступление, а виновные отдавались под суд⁵. Однако на примере Саратовской губернии видно, что на практике не всегда удавалось привлечь к ответственности скопцов в судебном порядке из-за непринятия соответствующих мер органами полиции по изобличению представителей секты скопцов, о чем свидетельствует следующий пример.

22 апреля 1870 г. губернатор сообщил полицмейстерам и уездным исправникам Саратовской губернии, что собранными по распоряжению министра внутренних дел сведениями о скопческой секте обнаружено, что число ее последователей постоянно увеличивается. Производящиеся в судах дела о вновь обнаруживаемых оскотленных и о подозреваемых в распространении скопчества оканчиваются оправдательными приговорами. По отзыву Министерства юстиции главной причиной таких приговоров является слабость надзора за ними со стороны полиции, которая не принимает меры к обнаружению вновь оскотленных. Часто судебные следователи и прокуроры не могли собрать достаточные обвинительные доказательства из-за давности преступлений. Министр внутренних дел (МВД) предложил усилить полицейский надзор за появлением в Саратовской губернии вновь оскотленных и в случае обнаружения оскотления, руководствуясь ст. 249, 254, 258 Устава уголовного судопроизводства, сообщать судебной власти, от которой зависело распоряжение о медицинском освидетельствовании и дальнейшем следствии.

Полиция должна была оказывать следователю содействие в расследовании преступлений. Губернатор предписал полицмейстерам и уездным исправникам принять меры к проверке сведений о скопцах. В случае если в подведомственных местностях проживают скопцы, то тех из них, у которых в документах не обозначено оскотление, передать судебным следователям, а за имеющими документы с пометкой об оскотлении установить особый секретный надзор⁶.

В конце XIX – начале XX в. большинство уголовных дел, рассматриваемых в Саратовском окружном суде, возбуждалось по фактам незаконных построек молитвенных зданий. Для привлечения старообрядцев к уголовной ответственности по ст. 206 Уложения о наказаниях судом обязательно устанавливался факт отсутствия разрешения МВД на постройку молитвенного здания. Это видно из следующего примера.

7 января 1885 г. саратовская Судебная палата рассмотрела дело по апелляционной жалобе мещан Надежды Михайловны и Матвея Ивановича Лушниковых на приговор Саратовского окружного суда от 16 ноября 1884 г., согласно которому они были признаны виновными по ст. 206, и на них было наложено наказание в виде ареста при полиции на три недели и сноса за их счет устроенного ими молитвенного здания. В ходе рассмотрения дела допрошенные в качестве свидетелей в окружном суде Иван Меликов, Сергей Евстафеев, Агафон Тезиков и Фома Смирнов удостоверили, что осужденные поморской секты летом 1883 г. устроили на огороде Матвея Лушникова в г. Сердобске молельню в виде сруба. Постройкой заведовали оба подсудимых, после окончания строительства она служила местом сбора старообрядцев для отправления богослужений по обрядам поморской секты. По признанию подсудимых и сообщению Сердобского уездного полицейского управления и волостного правления на постройку молельни надлежащего разрешения не было, таким образом, «признание их виновными по ст. 206 является доказанным и назначенное наказание правильным»⁷.

В ходе рассмотрения данных дел возникали определенные проблемы при установлении в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 206 Уложения о наказаниях. Часто неправильное применение судами положений данной статьи и нарушение других законов относительно старообрядцев влекло за собой пересмотр дела и вынесение оправдательного приговора. О молитвенных старообрядческих домах было несколько сенатских решений: по делам старообрядцев Рябинина, Тулупова, и особенно Сорокина. Сенат разъяснил, что «разрешение министра внутренних дел требуется только для молитвенных домов, особо предназначенных для общественных богослужений и находящихся в отдельных зданиях»⁸. Что же касается жилых и частных домов, то в них могут устраиваться молитвенные помещения без всякого разрешения.

Этим сенатским разъяснением и стали пользоваться старообрядцы, а судебные власти руководствоваться, посему многочисленные привлечения старообрядцев к ответственности за самовольное устройство молитвенных помещений в жилых домах часто кончались их оправданием.

22 мая 1890 г. окружной суд на выездном заседании в г. Аткарске признал виновным крестьянина деревни Вязовый враг Сластушинской волости Аткарского уезда Федора Ермиловича Никулина в совершении преступного деяния, предусмотренного п. 2 ст. 206 Уложения, и приговорил подсудимого к аресту на один месяц⁹. Судом было принято данное решение на основании того, что жилое помещение по размеру пространства, отведенного под богослужения, и по внутреннему устройству соответствует требованиям церковного здания. Также по данным дела в нем имелся иконостас, а здание было увенчано куполом, которые по решению суда подвергались демонтажу.

Подсудимый отрицал этот факт, утверждая, что его дом отличается от других жилищ наличием помещения, где он занимается переплетным делом и никогда не обращал ее в общественную раскольничью молельню, хотя и отправлял общественную молитву требы, но не в публичном молитвенном доме, а в частном, что не воспрещено законом¹⁰.

Кроме того, подсудимый ссылался на закон от 3 мая 1883 г., в соответствии с которым раскольникам было дозволено «творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам, как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях»¹¹. На основании ст. 50 Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1880 г. раскольники не подлежали уголовному преследованию за отправление общественного богослужения в частных домах и, следовательно, за устройство в них соответствующей богослужебной обстановки¹².

27 августа 1890 г. Судебная палата, рассмотрев дело, не согласилась с доводами окружного суда, так как ст. 52 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, воспрещавшая обращение части жилья в публичную молельню, отменена в 1883 г., а на размер молитвенного здания в законе указаний нет, определила оправдать Никулина и вернуть ему изъятые вещи.

Известен пример, когда причиной судебной ошибки было неправильное толкование закона от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Приговором Саратовского окружного суда в г. Царицыне 1 февраля 1892 г. местный купец Алексей Егорович Жаров и мещане Василий Иванович Зафатаев, Афанасий Федорович Жильцов, Михаил Владимирович Лебедев, Иван Петрович Тутаев были оправданы по ч. 2 ст. 206 Уложения ввиду отсутствия в их действиях состава преступления. По мнению суда, на устройство молельни в нанятой квартире или доме, хотя и не

принадлежащих кому-либо из подсудимых, без изменения наружного вида помещения, в соответствии с пунктом пятым Закона 1883 г. не требуется разрешение МВД¹³.

Товарищ прокурора Канилцев не согласился с таким толкованием закона, полагая, что этот закон допускает открытие раскольничьей молельни только с разрешения МВД, как здания, предназначенного специально для удовлетворения религиозных потребностей раскольников, независимо от того будет ли это здание часовней, целым частным домом или иным отдельным строением. На основании этого товарищ прокурора в своем протесте потребовал отмены оправдательного приговора суда и признания подсудимых виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 206 Уложения. Рассмотрев обстоятельства этого дела, Судебная палата определила, что факт найма в г. Царицыне в апреле 1889 г. у мещанина Парфена Игнатьева дома для обращения в общественную моленную австрийского согласия и отправление в ней богослужений в период 1889–1891 гг. доказано протоколом осмотра дома, договором найма и показаниями как самих подсудимых, так и опрошенных по делу свидетелей. Из этих же документов видно, что устроили молельню подсудимые, не имея на то надлежащего разрешения.

Для разрешения вопроса о том, является ли такое деяние запрещенным законом, палата обратилась к пункту пятому закона от третьего мая 1883 г., на который ссылался окружной суд: «раскольникам дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях с условием, чтобы при этом не были нарушены общие правила благочиния и общественного порядка. Независимо от этого, относительно часовен и других молитвенных зданий соблюдаются правила, установленные в статьях шесть-восемь настоящего узаконения»¹⁴. Отсюда следует, что данное положение содержит лишь общее правило, применение которого поставлено в зависимости от условий, означенных в последующих пунктах.

В упомянутых правовых положениях закреплено, что раскольники для отправления общественного богослужения не могут возводить «особо предназначенных» для этого зданий, так как им дозволяется только «исправлять и возобновлять» такие здания, находящиеся в ветхом состоянии с разрешения губернатора, «распечатывать» молитвенные здания и «обращать для общественного богомоления существующие строения» с особого разрешения МВД. Так как подсудимые не имели такого разрешения, то они подлежали уголовной ответственности по части второй ст. 206 Уложения¹⁵.

При рассмотрении данных дел суды также решали вопрос об уничтожении молитвенных зданий и предметов богослужения старообрядцев.

Эта обязанность суда вытекала из санкции ст. 206, где содержалось требование о «сломке нового молитвенного помещения и всего устроенного без надлежащего разрешения». В пункте втором примечания ст. 206 содержалось правило, в соответствии с которым «если подсудимый обвинялся в устройстве новой молельни, то суд может сделать распоряжение не только о ломке сделанных приспособлений, но и всей постройки»¹⁶.

Также суды принимали решение об уничтожении молитвенного здания и в случае освобождения виновного от наказания по основанию истечения срока давности преступления. Данное правило было установлено в решениях Уголовного кассационного департамента от 1868 г. № 421 и 1869 г. № 86, согласно которым давность преступления не устраняет обязанности суда подвергнуть уничтожению строения и приспособления, указанные в ст. 206 Уложения о наказаниях. Это доказывает следующий пример.

28 мая 1893 г. в Судебную палату поступила апелляционная жалоба крестьянина с. Алексеевка Хвалынского уезда Матвея Васильевича Грошева на приговор Окружного суда, которым было постановлено «уничтожить богослужebные приспособления»¹⁷. Подсудимый просил отменить приговор по следующим основаниям: если согласно п. 2 ст. 771 Устава уголовного судопроизводства суд освободил его от наказания, то он не имел право выносить постановление об уничтожении вещественных доказательств, так как «покрытое давностью» преступление перестает быть таковым. По его мнению, продолжительное существование молельни указывает на наличие особого разрешения, а так как до принятия закона не существовало строго установленной формы в выдаче разрешения, то оно могло быть дано местными и губернскими властями в словесной форме.

Судебная палата, сопоставив приговор суда с обстоятельствами дела и доводами апеллятора, признала правильным решение о «сломке молельни», как соответствующее требованиям ст. 206, а потому аргументы Грошева о том, что давность преступления должна влиять на неприкосновенность молитвенного здания, а также его заявление, что существование молельни в селе издревле указывает на особое разрешение, неосновательными, так как это заявление противоречит показаниям подсудимого на суде о постройке молельни в 1881 г. без надлежащего разрешения¹⁸.

Часто дела о преступлениях старообрядцев прекращались на стадии предварительного следствия по основаниям истечения сроков давности преступления, а также за отсутствием доказательств, изобличающих виновных, что видно из следующего примера.

14 февраля 1872 г. жандармский унтер-офицер Горьков сообщил приставу 2-го стана Хвалынского уезда, что в с. Шеховское в здании крестьянина Василия Юдахина устроена публичная

раскольничья молельня, в которой по воскресным и праздничным дням совершаются богослужения. В ходе следствия было установлено, что позади дома Юдахина обнаружена землянка, в которой находились иконы и другие церковные принадлежности. Юдахин пояснил, что эта землянка, бывшая прежде мастерской, семь лет назад была обращена в молельню. Исходя из этого, так как преступление, предусмотренное ст. 206 Уложения о наказаниях, покрывается в силу п. 4 ст. 158 Уложения двухгодичной давностью, следствие было прекращено на основании истечения срока давности преступления¹⁹.

Благочинный 1-го округа Вольского уезда священник Любомиров представил в Консistorию 9 сентября 1871 г. донесение причта с. Мордовский Ключ о том, что крестьянин этого села Игнатий Максимович Редков, значившийся православным, совратил в раскол Ивана Наумовича Белогорского, убедив его не крестить новорожденную дочь в церкви. Когда же старшина села Филипп Сидоров призвал в волостное правление Белогорского для выяснения причины отказа от крещения, в правление в то же время явился самовольно для защиты Белогорского Редков и начал спорить со старшиной, заявив, что то дело его не касается. Консistorия просила прокурора произвести следствие по данному делу. По окончании предварительного следствия, ввиду того что Игнат Редков не признал свою вину и по делу нет иных избочающих его фактов, по предложению прокурора дело было прекращено²⁰.

Известны случаи, когда уголовные дела в отношении сектантов прекращались органами прокуратуры по причине неправильной квалификации их действий, что можно проиллюстрировать следующими примерами. Так, крестьяне с. Безлесное Балашовского уезда составили приговор об удалении из своей среды крестьянина Давыда Панкратьева и его жены Ульяны Борисовой Романовых как лиц, уклонившихся из православия в молоканскую секту. Этот приговор свидетельствует о том, что малолетние дочери Романовых Прасковья и Агафья заявляли сельскому сходу о совращении их родителями в молоканство, что подтвердилось полицейским дознанием. В ходе предварительного следствия обнаружен факт уговора Романовыми своих детей к переходу в секту. По мнению товарища прокурора окружного суда, этот факт не может служить поводом для их обвинения, так как ст. 197 Уложения по смыслу, разъясненному Кассационным департаментом Правительствующего Сената, предусматривает случаи совращения в ересь лишь совершеннолетних христиан, малолетние же, не сознающие различия между догматами веры, не могут быть обращены в ересь в настоящем значении этого слова. Поэтому Романовы могли бы обвиняться только в допущении своих детей к исполнению обрядов молоканской ереси. Предварительное следствие не представило никаких данных для

этого обвинения, и по предложению товарища прокурора дело было прекращено²¹.

2 июля 1872 г. староста с. Саломатино составил акт о том, что того числа мимо волостного правления прошла толпа молокан, провожавшая с пением на кладбище покойного младенца. В ходе следствия староста Герасим Чернышев объяснил, что составил акт со слов волостного писаря П. С. Мартынова. Было установлено, что группа молокан А. А. Комарев, Е. И. Барышников, С. И. Почивалов, Е. С. Карноухов, П. П. Данилов, А. К. Карпов, И. И. Барышников и П. А. Комарев обвиняются в «публичном оказательстве раскола и в похоронении умершего раньше положенного срока». Принимая во внимание, что Уложение о наказаниях ст. 197 преследует молокан лишь за распространение своей ереси и совращение в секту других, преследование раскольников допускается лишь в случаях «оказательства» раскола, послуживших действительным соблазном для православных. По мнению товарища прокурора Саратовского окружного суда, в данной ситуации невозможно их преследование: «Для обвинения их в преждевременном похоронении умершего нет данных»²².

В начале XX в. в законодательство о старообрядцах были внесены изменения, которые повлияли и на судебную практику рассмотрения дел о старообрядческих молитвенных зданиях. Так, Высочайше утвержденное 14 марта 1906 г. мнение Государственного Совета устанавливало положение, в соответствии с которым ст. 206 Уложения предусматривала ответственность за устройство без надлежащего разрешения старообрядческих и сектантских скитов. В отношении сооружений старообрядческих и сектантских молитвенных домов согласно пункту пятому Положения Комитета министров от 17 апреля 1905 г. применялось правило, установленное для храмов инославного исповедания, а потому суды при самовольной постройке молельни привлекали виновных по ст. 1006 Уложения о наказаниях²³, о чем свидетельствует следующий пример.

Осенью 1910 г. пристав первого стана Хвалынского уезда получил сведения, что в с. Самодуровка местными старообрядцами поморского согласия построен молитвенный дом без разрешения начальства. При производстве дознания было установлено, что в 1909 г. в селе во дворе местного крестьянина Тихонова крестьяне Михаил Гудков, Мирон Коробов и Маркел Канаев построили особое здание, оборудованное для отправления богослужений. При осмотре здания были обнаружены иконостас и другая церковная утварь. На этом основании в отношении указанных крестьян было возбуждено уголовное дело по факту самовольной постройки молельни для публичного отправления богослужения по раскольничьему обряду. Рассмотрев дело, суд признал их виновными и квалифицировал их деяние по ст. 1066 Уложения²⁴.

Судебное преследование старообрядцев и сектантов во второй половине XIX – начале XX в. было неэффективным и часто заканчивалось вынесением оправдательного приговора. Причиной этого были сложности по собиранию доказательств, изобличающих противоправную деятельность представителей данных религиозных течений в ходе предварительного следствия.

Примечания

- 1 См.: Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1876. Т. 10. С. 277.
- 2 См.: Варфоломеев Ю. В. «Серебряный век» русской адвокатуры : в 4 ч. Ч. 2 : «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX – начало XX века). Саратов, 2015. С. 38.
- 3 См.: Никонов А. Б. Специфика процессуальных действий по делам о преступлениях старообрядцев и сектантов против православия в Российской империи // Вестн. Пенз. отд-ния Рос. филос. о-ва. 2013. № 3 С. 8.
- 4 См.: Левин В. Ф. Борьба Российского государства и Русской Православной церкви с религиозными правонарушениями в 1820-е – 1917 гг. (на материалах

- Среднего Поволжья) : дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2011. С. 164.
- 5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2001. Л. 4.
 - 6 Левин В. Ф. Указ. соч. С. 164.
 - 7 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 374. Л. 6–7.
 - 8 Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви, Барнаул, 1999. С. 30.
 - 9 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 326. Л. 3.
 - 10 Там же.
 - 11 Там же. Л. 4.
 - 12 Там же Л. 4–5.
 - 13 Там же. Д. 566. Л. 22.
 - 14 Там же. Л. 22–23.
 - 15 Там же. Л. 24–25.
 - 16 Чичинадзе Д. В. Сборник законов о расколе и сектантах. СПб., 1899. С. 110.
 - 17 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 111. Л. 10.
 - 18 Там же. Л. 11.
 - 19 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 41–42.
 - 20 Там же. Д. 246. Л. 2–3.
 - 21 Там же. Д. 568. Л. 33–35.
 - 22 Там же. Д. 451. Л. 25–26.
 - 23 Введенский А. П. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. С. 50.
 - 24 ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 963. Л. 44–45.

УДК 94 (=112.2) (47). 084.6

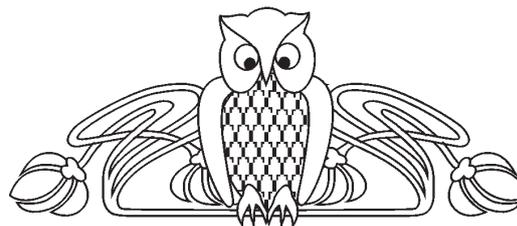
ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В 1918–1941 ГОДЫ

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует процесс трансформации идентичности поволжских немцев как локальной этнической группы, происходивший под воздействием идеологии и общественно-политической практики большевизма. С одной стороны, показана насильственная ломка всех сторон традиционного образа жизни, принудительное насаждение новых «социалистических» порядков, а с другой – освещается практика настойчивого политико-идеологического воздействия на сознание людей, прежде всего молодежи, насаждение новых духовных ценностей, коренным образом отличавшихся от традиционных. Процесс трансформации идентичности гораздо быстрее проходил у молодого поколения, в результате к концу 1930-х гг. в локальной среде поволжских немцев стал заметен существенный разлом в идентичности старшего и молодого поколений. Наиболее ярко он проявился в годы войны 1941–1945 гг. в форме реакции на проводившуюся по отношению к немцам Поволжья репрессивную политику (депортацию, тотальную трудовую мобилизацию, жизнь в условиях спецпоселения).

Ключевые слова: немцы Поволжья, большевизм, национальная идентичность, традиционные ценности, новые «социалистические» ценности, разлом в идентичности.

The Transformation of the Volga Germans' National Identity in 1918–1941

A. A. German

The author examines the identity transformation process of the Volga Germans as a local ethnic group, which took place under the influence of ideology and political practice of Bolshevism. On the one hand, violent destruction of all the sides of traditional lifestyle and compulsory implanting of a new “socialist” order are shown. On the other hand, practice of persistent political and ideological impact on people's minds, especially those of the young people, and implanting of new spiritual values, totally different from the traditional ones, are highlighted. The process of identity transformation passed much quicker with the younger generation. As a result, by the end of the 1930s in the local environment of the Volga Germans a significant break in the identity of the older and younger generations had been clearly seen. It became most apparent during the war of 1941–1945 as a reaction to the policy of repression against the Volga Germans (deportation, total labor mobilization, life in the conditions of a special settlement regime).

Key words: Volga Germans, bolshevism, national identity, traditional values, new «socialist» values, break in identity.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-340-345